

=270=

А. В. Титорский К вопросу об общинности русских крестьян // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею доктора исторических наук, профессора Клавдии Ивановны Козловой. Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. А. Никишенков. – М.: Издательство Московского университета, 2012. (Труды Исторического факультета МГУ. Вып. 57. Сер. 2. Исторические исследования. № 22). С. 270-279.

А. В. Титорский

К вопросу об общинности русских крестьян

В этнографической, исторической и околоисторической литературе широко распространено мнение об «особой черте национального характера», «особенности менталитета» или «важной составляющей духовности» русского крестьянства – его общинности. Так исследователи Института Российской истории РАН Л. В. Данилова и В. П. Данилов писали: «... дух общинности был той аурой, в которой формировалось ментальность всего общества»¹. Это широко распространенное представление редко вербализуется, однако подспудно присутствует во многих работах. Среди этнографов эта идея является лейтмотивом работ М. М. Громыко². Автор приводит такие черты русского крестьянина XIX века, как готовность в любой момент прийти на помощь ближнему, «отдать последнюю рубаху» и многие другие.

Эти взгляды не являются автохтонными в российской науке. Их возникновение связано с научной и публицистической деятельностью двух людей: специалиста по агрономии, прусского барона Августа фон Гакстгаузена и русского общественного деятеля Александра Ивановича Герцена.

Гакстгаузен нашел русскую общину и указал на нее отечественным мыслителям. Он прибыл в Ригу в марте 1843 года, затем через Санкт-Петербург и Москву отправился в Ярославль. Затем его маршрут пролегал через Вологду, Нижний Новгород, Казань, Пензу, Саратов, Воронеж, Екатеринославль, Крым, Одессу. В октябре того же года он возвратился в Москву, где некоторое время работал, записывая путевые впечатления, а в следующем году отбыл в Европу.

В последующих дискуссиях ключевым стал тезис немецкого путешественника о том, что в России до сих пор существует древняя поземельная община – мир, которая когда-то существовала у германцев

¹ Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. С. 24.

² Наиболее показательна в этом плане книга Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1994.

=271=

под именем «марки», но затем исчезла. Именно эта община является гарантией политической стабильности в государстве. Если Европа 1840-х годов бурлила революционными выступлениями, то императорская Россия была совершенно чужда этим волнениям. Правда, прусский чиновник видел в общине жестко контролируемую ячейку общества, а власть старосты он сравнивал с императорской властью. Русская община стала восприниматься как уникальное явление в политической и культурной жизни народов Европы, как нечто отличающее русский народ (или шире все славянские народы) от народов Европы.

Взгляды Гакстгаузена были предельно мифологизированы А. И. Герценом. Именно в его трудах появился абстрактный дух общинности, питающий все остальные социальные учреждения. В работе «Россия», написанной в 1849 году на французском языке в Лондоне, Герцен так критиковал идеи прусского путешественника: « В самом деле, по его словам, сельская община составляет в России всё. В ней, по мнению барона, ключ к прошлому России зародыш ее будущего, животворящая монада русского государства. <...> Я полностью разделяю мнение Гакстгаузена, но думаю, что сельская община – еще не всё в России. Гакстгаузен действительно уловил животворящий принцип русского народа <...> Мне кажется, что в русской жизни есть нечто более высокое, чем община, и более сильное, чем власть; это "нечто" трудно выразить словами, и еще труднее указать на него пальцем. Я говорю о той внутренней, не вполне сознающей себя силе, которая так чудодейственно поддерживала русский народ под игом монгольских орд и немецкой бюрократии, под восточным кнутом татарина и под западной розгой капрала...»³.

Как мы видим на смену утверждению об уникальности отдельного социального института приходит тезис о трудновыразимой духовной основе – «животворящая монада», «нечто более высокое, чем община» или «животворящий принцип русского народа» – русской культуры, которая проявляется в различных сферах, в первую очередь, крестьянской, жизни. Этот тезис был подхвачен народнической историографией, затем перекочевал в исторические работы второй половины XX века.

Так, ленинградский исследователь социальной психологии пореформенного крестьянства Г. А. Кавтарадзе писал: «Крестьяне еще не перестали осмыслять себя как общину, и самостоятельная личность еще не утвердилась среди них»⁴. В данном случае «животворящий принцип русского народа» выражается в терминах социальной психологии. Общинность и коллективизм крестьян противопоставляются личностной составляющей. Иными словами среди крестьян

=272=

было мало подлинных личностей, в связи с тем, что их сознание было общинно. Схожие взгляды высказывает историк-экономист Т. В. Карпенкова. Она считает, что для русского крестьянина рубежа XIX-XX веков характерна «социально-психологическая его неподготовленность взять на себя индивидуальную ответственность за результаты своей деятельности»⁵.

Итак, тезис о коллективизме или общинности русского крестьянства прочно вошел в историографию. Иногда со знаком «минус», иногда со знаком «плюс», но саму коллективность русского народа никто не оспаривает. На взгляд автора данной статьи это совершенно неправильно. В работе будет предпринята попытка продемонстрировать

³ Герцен А. И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. IV. С. 199.

⁴ Кавтарадзе Г. А. К истории крестьянского самосознания периода реформы 1861 г. // Вестник ЛГУ. Серия «История. Язык. Литература». № 14. 1969. Вып. 3. С. 63.

⁵ Карпенкова Т. В. Охранительные тенденции и попытки аграрных преобразований в пореформенной России. М., 1992. Рук. № 47214. Депонирована в ИНИОН РАН 27.10.1992. С. 23.

ошибочность тезиса о общинности крестьянской психологии, а также предложено иная модель, объясняющая «общинные институты» русской деревни XIX-XX веков.

Исходное утверждение приведенной выше цепочки – идея об уникальности русской общины – критиковалась еще в XIX веке. Ученик А. Н. Энгельгардта А. П. Мертваго после работы в Батищеве Смоленской губернии отправился исследовать на практике, как ведется сельское хозяйство во Франции. Он писал: «Но ведь и здесь деревня называется «la commune», то есть община, и благодаря этому здесь мостовая, шоссе, общественные школы, и люди не тратят времени бесполезно на печение хлеба каждый сам для себя, на заготовление припасов каждый для себя, а делают все это люди, которые специально этим занимаются. <...> Здесь община помогает легче жить»⁶.

Иными словами, предельно четкое, без полутонов, представление о том, что в России вся жизнь общинна, а личность совершенно не развита, а в Европе наоборот общины не существует, но присутствует сильное личностное начало – неверно. Во всех странах Европы, включая Россию, община существует, но везде она играет разную роль. Точно также и личность крестьянина играет роль и в России и в Европе, но роль эта – разная.

Ряд фактов, описанных этнографами XIX – начала XX века, показывает, что и второе звено логической цепи – пресловутая «общинность» – не является и имманентным качеством русского человека. В ряде ситуаций русский крестьянин вел себя совершенно так же как, как единоличный американский предприниматель.

Так, в конце XIX века В. С. Пругавин, исследовавший промыслы Александровского уезда Владимирской губернии описал весьма интересный способ «обмана» мастеров – организаторов рассеянных

=273=

мануфактур. Основным занятием местного населения была перемотка шпульт. С мануфактур нити поступали в виде огромных бобин (шпульт), из которых необходимо было сделать небольшие катушки на продажу. Для перемотки шпули раздавались крестьянам, а они возвращали купцам небольшие катушки с нитками. Для скорости расчетов нити отдавались и принимались на вес.

Исследователь пишет: «Обыкновенно мотальщицы приносят на вес размотанной бумаги даже больше, чем они взяли. Дело в том, что крестьяне увеличивают вес катушек, на которые они мотают бумагу, делают их более сырыми, тяжелыми, осторожно мочат и самую бумагу. Таким образом, увеличив вес деревянной катушки и бумаги, мотальщицы имеют возможность утаить, взять себе часть бумажной пряжи»⁷. В данной ситуации не может быть и речи об общинности, желании помочь ближнему и чувству коллективизма.

Можно предположить, однако, что в данном случае общинные стратегии или модели поведения не задействуются (реализуются), поскольку речь идет не об экономических взаимоотношениях с равными (соседями, горожанами), а о взаимоотношениях предпринимателя и наемного рабочего или, другими словами, эксплуататора и эксплуатируемого. Но и такое предположение не подтверждается фактами.

Е. С. Радченко исследовавшая в эпоху нэпа промыслы Воскресенского уезда (ныне Истринского района – А. Т.) Московской губернии отмечала такое производственное know how при изготовлении войлока кустарями. «В войлок сыплется от 1-2 ф. песку. Этот "секрет производства" производится совершенно откровенно – в каждой мастерской заготовлено ведерко с песком, а возле мастерской зияет яма, откуда берут песок, – несмотря на то, что это делается исключительно с целью поднять вес войлока и в ущерб

⁶ Мертваго А. П. Сельскохозяйственные воспоминания (1879 – 1893). СПб.: «Хозяин», 1899. С. 105.

⁷ Промыслы Владимирской губернии. Вып. I. Александровский уезд. Исследование В. С. Пругавина. М., «Издание Асафа Баранова», 1882. С. 33.

его плотности»⁸. В данном случае вновь для придания изделию большего веса используется хитрость.

Другой пример находим в описании быта пограничья Московского и Дмитровского уездов в Трудах Вольного экономического общества. Корреспондент пишет о продаже сена крестьянами: «Они ухитряются так перебить хорошее сено с дурным, или воз в 10-12 пудов с пустою серединою так навить, чтобы казался покупателю в 20-25 пудов, как едва ли сумеет сделать любой московский барышник сена»⁹.

=274=

В обоих описанных случаях крестьяне обманывают не эксплуататора-мастера, раздающего им работу, а покупателей на рынке. Если вспомнить, что в первом случае это была эпоха нэпа, то в роли покупателей выступали так же голодавшие в годы войны советские рабочие и приезжавшие в столицу крестьяне. Однако и в этом случае общинность не обнаруживается. Во втором случае также можно отметить, что покупателями сена скорее всего выступали не аристократы и горожане, а свои же собратья крестьяне или управляющие землевладельцев.

Можно сделать еще одно допущение, что крестьяне реализуют коллективное начало в традиционных сферах хозяйства, а при работе на промыслах руководствуются ценностями и используют поведенческие модели городской культуры. Иными словами граница использования / не использования общинных стратегий проходит там же, где граница города и деревни. В таком случае взаимодействие с мастерком и покупателями на рынке – это сфера городских моделей поведения, а взаимоотношение со своими односельчанами и жителями ближайших сел – это сфера действия общинной традиции и коллективных ценностей. Однако и это оказывается не так.

Ряд фактов указывает на то, что и в рамках одной деревни, то есть непосредственно общины крестьяне вели работы совершенно самостоятельно. На это, в частности, указывают материалы земских статистических сведений по Московской губернии: «Каждый домохозяин, имеющий земельный надел, пользуется им самостоятельно и отдельно от других домохозяев. Общей обработки земли, общего скота, общих земледельческих орудий, общих семян общей жатвы и т. п. не встречается в общинах Московской губернии»¹⁰.

Для того, чтобы у читателей не создалось впечатление, что такая ситуация существовала только в Московской губернии или, выражаясь словами Г. И. Успенского, у «подстоличных» мужиков, приведем другие примеры. Так, помещик Селиванов писал о жителях глухих деревень Зарайского уезда Рязанской губернии, что по их мнению: «всякая раздельная работа выгоднее общей»¹¹. А. Н. Энгельгардт отмечал у Смоленских крестьян ту же особенность: «Взяв работу сообща крестьяне производят ее в раздел – каждый свою часть работает отдельно от других и получает соответствующую часть из заработной платы»¹². Приходится констатировать, что значительная часть работ в деревнях производилась отдельными хозяевами самостоятельно. Да, и с точки зрения здравого смысла трудно предположить, что можно впятером пахать луг или

=275=

⁸ Радченко Е. С. Кустарный промысел и ремесло в Воскресенском уезде Московской губернии / Труды Государственного художественно-исторического краевого музея в г. Воскресенске. Вып. IV. Воскресенск, 1926. С. 27.

⁹ С-в П. С границы Московского и Дмитровского уездов // Труды Императорского вольного экономического общества. 1873. Т. III. Вып. I. С. 22.

¹⁰ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. IV. Вып. I. Крестьянской хозяйство. Формы крестьянского землевладения в Московской губернии. М., 1879. С. 266.

¹¹ Селиванов В. В. Год русского земледельца. Лето. // Русская беседа. 1856. № IV. Отдел «Смесь». С. 71.

¹² Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем 1872-1887. М., 1999. С. 167.

втроем рубить дрова. Проще говоря, большинство хозяйственных работ рассчитаны на выполнение именно одним человеком.

Более того при внимательном рассмотрении подлинно коллективных работ: общедеревенской вывозки навоза или посадки капусты всей деревней, нередко проявляются черты, которые если не совершенно перечеркивают идею об «общинности» крестьянства, то четко выявляют рациональную составляющую тех или иных коллективных работ.

Так, в Александровском уезде Владимирской губернии были приняты общедеревенские, коллективные выезды на покос. Как пишет исследовавший местное крестьянство Т. Поздняков, коллективность этих работ была вынужденной. «Во избежание <...> непорядков, они на сельских сходах устанавливают свои правила, обуздывающие более или менее "зарывистых", и на уборку сена в луга ездят все вместе, по звонку ил по другому какому-либо условному сигналу»¹³. Иными словами крестьяне выезжают на луг всей деревней не потому что им приятнее вместе работать, а потому что если этого не сделать, то сосед обманет соседа: скосит больше положенного, и его невозможно будет призвать к ответу. В данном случае коллективный выезд на покос свидетельствует скорее не об абстрактной общинности, а скорее об индивидуалистичности русского крестьянина.

Буквально дословно повторяет слова Т. Позднякова этнограф Е. С. Радченко. Она пишет: «В итоге каждое хозяйство должно выкосить несколько буквально клочков травы в разных местах, причем все обычно торопятся сделать это в один день и все одновременно, так как иначе своей доли не увидишь вовсе»¹⁴. Вновь перед нами коллективный выезд на работу скрывает не радость совместного труда на благо общины, а способ проконтролировать наиболее радикально настроенных индивидуалистов.

Очень часто этнографы приводят в своих работах факты, которые объясняют хозяйственный или культурный смысл тех или иных коллективных работ или деревенских обычаев. Эти примеры указывают, что коллективные работы продиктованы не желанием побыть «на миру», а логикой работы.

Так, уже знакомый нам Т. Поздняков пишет про обряд первого выгона скота, который обычно старались приурочить ко дню Егория весеннего (23 апреля по ст. ст. – 9 мая по н. ст.). В литературе общедеревенский праздник с одариванием пастухов традиционно считается проявлением коллективистских качеств народного характера. Вот что пишет автор: «Коровы и овцы <...> в этот день выгоняются в стадо исключительно все, что делается в тех целях, чтобы коровы или овцы

=276=

– все свыклись одна с другой в первый же день, так как в противном случае – скотине, выпущенной в стадо во второй или третий день, изрядно попадает в бока от выпущенных раньше: ее принимают за чужую, преследуют и поднимают на рога»¹⁵.

Иными словами тот факт, что вся деревня выгоняет скот в стадо в один и тот же день, объясняется не желание сделать обряд одновременно, не коллективной ментальностью, а вполне прагматическими соображениями. Если скот не выгнать в стадо в один день, коровы начнут бодать одна другую и это приведет бóльшим экономическим потерям: либо к смерти скотины, либо к дополнительным действиям по ее адаптации в стаде. Последнее в условиях острой нехватки времени в крестьянском хозяйстве было попросту невозможно.

В материалах земской статистики по Калязинскому уезду приводятся такие данные. В условиях нехватки земли крестьяне, «чтобы не тратить земли на дороги, против

¹³ Поздняков Т. народные обычаи в Александровском уезде Владимирской губернии. Владимир, 1902. С. 16

¹⁴ Радченко Е. С. Село Бужарово, Воскресенского района Московского округа (Монографическое описание деревни). М., 1929. С. 21.

¹⁵ Поздняков Т. народные обычаи в Александровском уезде Владимирской губернии. Владимир, 1902. С. 4

одних межников в некоторых местах, позволяющих это, делают головные осьмаки, по которым и ездят, пока не обработают другие, а потом все сразу принимаются за обработку головных. При жнивьѣ убирают сначала все вместе головные, а потом по ним уже ездят к другим осьмакам»¹⁶. В данном случае перед нами не неосознанное объединение, происходящее из «духа коллективизма» или «ауры общинности», а сознательная организация коллективной работы в тех случаях, когда индивидуальная работа становится неэффективной.

Наконец, последний пример из этнографического описания крестьян XIX века, который более напоминает современные американские реалии, такие как судебный иск мужа к жене или наоборот. Все тот же Т. Поздняков описывает практику высева женой отдельных от мужа посевов льна: «Найдя землю, баба на свои средства приобретает семян и сеет на ней лен. Это называется – сеять "собину". У некоторых "собины" сеют мужья, и тогда жены угощают их за это яичницами, а другие для этого нанимают посторонних. <...> Иногда муж с женой соглашаются на тех условиях, что жена взяв себе полученное от "собины" волокно, отдает мужу семя, и он за это помогает ей в уборке и в отделке льна»¹⁷. Таким образом, коллективное общинное владение землей не исключало возможности отдельных владений законных (неразведенных) мужа и жены.

Подведем некоторые итоги. Во-первых, идеи о духовной «общинности» или врожденном «коллективизме» русского народа являются плодами историографической мысли. Эти качества не являются ни неотъемлемыми чертами национального характера, ни центральной темой русской культуры. Этот историографический миф сложился в трудах А. И. Герцена, а позднее публицистов-народников и проник в научную литературу XX века. Факты из крестьянской жизни тезис об имманентном коллективизме крестьянства не подтверждают.

=277=

Во-вторых, как кажется автору, не следует вести речь об уникальности коллективных работ у русских крестьян или говорить об общине, как особом социальном институте, характерном только для славянских народов. Многие народы Европы во второй половине XIX века знали общинное устройство. Коллективные работы у русских крестьян, безусловно, существовали, но они организовывались по тем же принципам, что и коллективные работы в других странах. Как правило, это были случаи, в которых вести работы вместе было более рационально, чем выполнять их порознь. Это подтверждают приведенные примеры.

С другой стороны, если отбросить идеи об особом национальном характере, и имманентных категориях культуры, то некая «общинность» в русской крестьянской культуре все же присутствует. Если вспомнить пример об обуздании «зарывистых», то общинность здесь проявляется. Не в том, что работы выполняются коллективно, и не в том, что крестьяне в обязательном порядке выезжают в поле «по свистку» и радуются совместному труду, а в том, что коллектив выступает групповым надсмотрщиком за нечестными работниками. Ведь за нарушителями следит не специально выбранный человек, а вся деревня.

Подобные факты также не единичны. При недостатке рабочих рук крестьяне собирают «помочь» или «толоку». Это обычай, по которому хозяин двора, нуждающийся в помощниках, приглашает за угощение своих знакомых. Параллельно с обычаем «звать на помочь» на рубеже XIX – XX веков существовал обычный поденный наем работников. Особенности бытования обоих хозяйственных институтов А. Н. Энгельгардт описывает так: «"Толочане" всегда работают превосходно, особенно бабы, – так, как никогда

¹⁶ Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Том V. Калязинский уезд. Тверь, 1890. С. 85.

¹⁷ Поздняков Т. народные обычаи в Александровском уезде Владимирской губернии. Владимир, 1902. С. 16.

за поденную плату работать не станут. Каждый старается сделать как можно лучше, отличаться, так сказать. <...> Это даже не называется работать, а "помогать"¹⁸.

Важно указать на еще одно наблюдение этого же автора. После прочтения приведенной цитаты может возникнуть впечатление, что неохота, с которой крестьяне ходят на поденщину подтверждает как раз коллективизм и общинность русского крестьянина, однако это не так. Далее Энгельгардт пишет: «<...> к богатому мужику все "из чести" пойдут на толоку, потому что нельзя же – то за тем, то за другим придется к нему обратиться».¹⁹ Вновь перед нами предстает не абстрактная «коллективность» и не эфемерная «животворящая монада», а вполне рациональный холодный расчет.

Последние два примера ставят вопрос об общинности в новой плоскости. Если общинные институты и традиции в крестьянской культуре присутствуют, то они не пронизывают всю культуру. Их нельзя объяснить душевным складом или имманентными психологическими качествами крестьянства, они проявляются в одних ситуациях и не

=278=

проявляются в других. Во-первых, следует отказаться от глобальных обобщений и говорить не об «общинности» культуры или психологии, а о конкретных «общинных традициях», «общинных институтах» или «общинных моделях поведения». Во-вторых, необходимо выявить сферу и закономерности бытования общинных институтов у русских крестьян.

Выполнить эту задачу в данной статье не представляется возможным. Вместе с тем, можно эскизно обрисовать направление дальнейших рассуждений.

Одним из первых исследователей, который попытался дать объяснение соотношения коллективистских и частных экономических стратегий у русских крестьян, был А. В. Чаянов. Он считал, что применение тех или иных экономических моделей связано с их хозяйственной выгодой или невыгодой. Он писал так: «Мы <...> склонны полагать, что каждый крестьянин не отказался бы ни от хорошего ростбифа, ни от граммофона, ни даже от пакета акций "Ойл Шелл Компани", если бы к тому представился случай. К сожалению, в массе такого случая не представляется, и каждая копейка достается крестьянской семье тяжелым напряженным трудом. А в этих обстоятельствах ей приходится отказываться не только от акций и граммофона, но подчас и от говядины. Нам думается, что если бы Ротшильд при социальной революции в Европе сбежал бы в какую-нибудь сельскохозяйственную страну и вынужден был заняться крестьянским трудом, то при всей своей буржуазной приобретательской психологии он оказался бы послушным правилам поведения, установленным организационно-производственной школой»²⁰.

По мнению этого исследователя в основе выбора стратегии лежат объективные экономические предпосылки: крестьянин делает то, что наиболее выгодно в сложившихся условиях. Автору статьи представляется, что это не совсем верное объяснение. Дело в том, что иногда организаторы помочей тратили на них больше денег, чем было необходимо для найма поденных рабочих. По обычаю, хозяин должен был накормить приглашенных обедом. Нередко обед превращался в царское угощение. «"У богатых крестьян выставляли до 15 пересмен: говядина пареная, вареная и жареная; рыба пареная, жареная и вареная". Другими блюдами могли быть шаньги, пироги, орехи, чай, конфеты и другие сласти. Во многих описаниях подчеркивается праздничный характер угощения»²¹. Н. Дубенский, изучивший крестьянское хозяйство Владимирской губернии, подсчитал,

¹⁸ Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем 1872-1887. М., 1999. С. 53-54.

¹⁹ Там же.

²⁰ Чаянов А. В. Избранные труды. М.: «Колос», 1993. С. 31.

²¹ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян в XIX в. М., Наука, 1986. С. 52.

что наем поденных работников обходился для хозяев в среднем дешевле, чем организация помочей²².

=279=

Такие свидетельства не единичны. Принимая их во внимание, исследователь не может удовлетвориться объяснением А. В. Чаянова. В связи с этим, наиболее перспективным представляется этнографический анализ данной проблемы. Этнографическая наука изучает все явления – в данном случае общинные традиции или модели поведения – комплексно, отдавая отчет в том, что одно и то же явление может иметь различные значения: не только экономическое, но и культурное, социальное, коммуникативное. По словам А. А. Никишенкова, «традиционное общество – это общество тотального синтеза». Именно на стыке экономики коммуникативной сферы и социальных функций, по мнению автора, можно отыскать культурный смысл «общинных традиций».

²² Дубенский Н. Крестьянское и господское хозяйство в опольщине Владимирской губернии // Современная летопись. 1871. № 3-5. С. 5.